

УДК 94(47+57)''1984/86''
ББК 63.3(2)63
ШЗ9

Автор фото — *Артем Шейнин*

Шейнин, Артем Григорьевич.
ШЗ9 Десантно-штурмовая бригада. Непридуманый
Афган / Артем Шейнин. — Москва : Яуза-пресс, 2017. —
272 с. — (Запретные войны).

ISBN 978-5-9955-0923-3

Эта книга — «непридуманные истории» бойца 56-й десантно-штурмовой бригады, воевавшего в Афганистане в 1984–1986 гг. Это «окопная правда» последней войны СССР, о жизни и смерти «за речкой». О том, «какой звук издаёт пуля, врезааясь в песок или камень около твоей головы». О том, каково это — «подняться и пробежать под градом «духовских» пуль эти грёбаные 10 шагов». О том, как война «вытаскивает всё самое светлое и самое смрадное, что есть в каждом из нас». О том, что «после Афгана мы никогда уже не будем собою прежними»...

УДК 94(47+57)''1984/86''
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-9955-0923-3

© Шейнин А.Г., 2017
© ООО «Яуза-пресс», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я вернулся с войны

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово...

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А. Гайдар. *«Мальчиш-Кибальчиш»*

Главный Буржуин еще многого не знал, а то восклицал бы куда громче и с куда большим удивлением и про «эту страну», и про «мальчишей».

Он представить себе не мог, что может творить и творит эта удивительная страна со своими верными «мальчишами». И уж совсем не понять ему того, что, даже несмотря на это, остаются эти «мальчиши» такими же преданными и верными, готовыми для нее на все...

«Мальчиш», воспитанный в этой стране с ее системой во всей красе и величии, я с детства спал и видел как бы это мне так подвернулась возможность проявить свой «мальчишизм» на благо страны любимой...

Так что я не только не боялся, но хотел в армию. Более того, я не просто хотел в армию, а мечтал о тех войсках, где уж точно всегда «есть место подвигу» — о ВДВ. А узнав, что есть возможность попасть на войну, я места себе не находил от мысли, что могу туда НЕ попасть...

Именно в силу своей готовности и желания служить я оказался менее готов к той части «тягот и лишений воин-

ской службы», которые были проявлением этой необъяснимой, темной, запредельной, алогичной и нерациональной, в плохом смысле парадоксальной стороны нашей любимой Родины.

И армии, как неотъемлемой ее части. И если ко всем этим «прелестям» в армии как таковой я был еще хоть как-то готов, то просто трагически не готов оказался к тому, что все это будет присутствовать и на войне. И не просто присутствовать, а расцветать буйным цветом. Будучи особо заметным на фоне не придуманного пропагандистами и режиссерами, а вполне реального величия духа, армейской, мужской дружбы, боевого братства...

Наверное, именно в силу этой своей «неготовности», попав в Афган, на войну, я с самого начала задавался множеством вопросов. И мучился, не находя на них ответов. Точнее, с самого начала-то я просто мучился, даже не понимая толком отчего, — сформулировать это я был тогда не в состоянии.

Так что ВОПРОСЫ я сформулировал только теперь. Тогда они ни разу не были мною ни произнесены, ни даже подуманы. Так что все эти «почему» и «как же так» — это произнесенные мною сегодня вопросы себя тогдашнего. Они сидели во мне все эти годы. Я должен был ответить на них тому наивному 18-летнему мальчику, но — наверное, еще лет 20 после той моей войны — был к этому не готов. Потому что даже сейчас многие из этих вопросов и ответы на них произносить больно и обидно...

Больно и обидно прежде всего потому, что, по большому счету, мало что изменилось с тех пор. Любимая Родина неизменно, несмотря ни на что, рождает и рождает, воспитывает и воспитывает преданных и верных «мальчишей». И с неизменным постоянством продолжает их ломать, корезить, подставлять, бросать и забывать... А они — поколение за поколением — по-прежнему продолжают любить ее, бесстрашно бросаются за нее в бой и, не задумываясь, отдают за нее жизнь. Будто бы и не знают и не видят, как получилось с другими «мальчишами», до них...

Не прошло и 10 лет после нашего Афгана, как очередная порция «мальчишей» оказалась в Чечне... Уж, казалось бы, ладно мы — дети конца 70-х—начала 80-х, выросшие за железным занавесом и на игле гениальной советской пропаганды... Но уж у парней, взрослевших в конце 80-х—начале 90-х, какие могли остаться иллюзии? Их-то что сделало «мальчишами»?

И уж в мясорубку-то их кидали почище нашего, и предавали-подставляли, как нам и не снилось... Ан нет — все то же самое. «Когда страна прикажет быть героем...»

И ведь мало того — спустя еще пять лет уже новые «мальчиши», уже знавшие ВСЕ без прикрас о судьбе первых «чеченцев», все также взмахнули сабельками и рванули на очередных «злых буржуинов», на которых указала «любимая Родина»....

Может, именно поэтому и правда победить нас никому не дано? Может, именно ЭТО и делает нашу страну такой? Может, поэтому ничего и никогда здесь не изменится? А может, и не надо? А если надо, то как?

Собственно, моя книга во многом и появилась как попытка (порой мучительная) понять, что это было и почему ТАК бывает... Именно поэтому, формулируя в этой книге вопросы от лица себя тогдашнего, описывая свою жизнь, переживания, иллюзии и расставания с ними, я, как мне кажется, пытаюсь понять мою страну и эту часть ее социальной культуры и ее менталитета.

Поэтому эти рассказы не про войну как таковую. Они скорее про то, что происходило в душе и в мозгах 18-летнего мальчика, романтика, оказавшегося на войне. Как война, на которую он мечтал попасть, оказалась совсем не тем, о чем он мечтал...

Уже сотни и сотни лет одно и то же происходит с мальчишками, мечтающими о войнах, высоких подвигах и светлых идеалах. Но ведь правда и то, что все эти сотни лет, попадая на войну и расставаясь со своими иллюзиями, эти мальчишки понимают что-то новое и про жизнь, и про свое место в ней.

Что-то такое, чего они, пожалуй, не узнали и не поняли бы, проживи свою жизнь по-другому...

Тем, кто любит «про войнушку», не стоит, наверное, читать эти рассказы. Она там, конечно, есть, но без описаний батальных сцен, взрывов, летящих пуль, обстрелов, рукопашных. Я бы никогда не стал писать книгу о войне только ради этого. Я преклоняюсь перед теми, кто может «вкусно» описывать войну, особенно ТАКУЮ войну. Мне не по силам даже найти слова для описания звука, что издает пуля, врезаясь в песок или камень около твоей головы. Я не забуду этот звук никогда, но максимум, на что способен, — попытаться передать свои ощущения в этот момент и после... а что еще я знаю наверняка кроме этого? Кто и зачем выпустил эту пулю? Много ли я понимаю о том, зачем и почему в это время и в этом месте оказались я и тот, кто в меня стрелял? Ничего...

У каждого война своя. Один и тот же бой абсолютно по-разному воспринимается молодым «шнуром», спрятавшим голову за камень и «поливающим» в белый свет, как в копеечку, выставив наружу только автомат, и опытным дембелем, деловито «выщепляющим» среди дувалов башки бородатых мужиков в чалмах.

Совершенно по-разному видят его юный 22-летний «летюха»-взводный, пробывший на войне меньше, чем его подчиненные, и «зрелый» 25-летний «старлей»-ротный, который уже знает, что такое писать похоронки матерям...

Совершенно по-разному вспомнят одну и ту же операцию комбат, до хрипоты сорвавший на жаре голос, командуя своими вымотанными от ночного марша по горам ротами, прилипшими под огнем духов к каменистым склонам, и холеный генерал, размашисто рисующий на карте стрелки в тени маскировочной сетки, попивая ледяной лимонад...

Для меня война — это то, что происходит в наших мозгах и душах. Именно про эту «свою» войну я и написал. И все «внешние» события происходят в моих описаниях лишь постольку, поскольку они стали частью моего внутреннего мира, повлияли на меня сегодняшнего, задающего вопросы

и ищущего на них ответы. Именно поэтому я не придерживался какой-то особой «сюжетной линии», в некоторых рассказах «возвращаясь» к себе сегодняшнему. Хотя хронология событий в книге все же соблюдена.

Для меня главное — война внутри. Война как сотни тысяч, миллионы отдельных маленьких войн, идущих в душах и головах каждого воюющего, будь он самым отчаянным и безбашенным «рубаккой» или тихим и незаметным «средняком». И при этом по «большому», жизненному счету не так уж важно, кто как именно воевал: будучи прекрасным воином, можно в итоге проиграть «свою» войну. Ту самую, которая «внутри» тебя...

А еще одна задача, может быть, самая непростая — вернуться с войны...

ГЛАВА 1

Афганистан как предчувствие

апрель 1984, Москва

— Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Капа, мой одноклассник, иронично глядит на меня из-под копны волос цвета спелой пшеницы. Лопух — это я, такое прозвище у меня среди одноклассников. Как оно возникло, объяснять долго, да и бессмысленно. Ведь Лопухом мне осталось быть всего два дня. Сегодня суббота, 21 апреля. А в понедельник мне в армию.

Я ухожу первым из класса.

Капа — вторым. У него уже на руках повестка на 30-е. Поэтому разговор, естественно, про армию и про то, куда «пошлиют».

Я мечтаю, чтобы послали в ВДВ и в Афганистан. А Капа, как обычно, прикалывается над моим «беспросветным романтизмом».

— Лопух, уже дети должны в яйцах пицать, а у тебя все «Пионерская зорька» в жопе играет! На хрен тебе это все нужно?!

Подобные «диалоги» в последнее время возникают у меня со многими ровесниками. Да и вообще с окружающими «нормальными людьми».

Точно так же они недоумевали в феврале.

От военкомата меня отправили на 10 дней на прыжки с парашютом. Прыгнув три раза на аэродроме ДОСААФ в Волосово, я вернулся вне себя от счастья, считая, что это уже вполне гарантирует мне попадание в ВДВ.

— На хрен тебе ВДВ? Ты и так ебнутый на всю голову со своим Афганом! Мать бы пожалел...

Кто-то говорит это открыто. Та же Женька, которую я считаю своей девушкой, в отличие от нее самой. Для нее я просто друг. С которым, так вышло, она живет, конечно, в одной комнате со всеми вытекающими, но это еще ничего не значит. Во всяком случае, не для нее.

Кто-то выражается не так прямо, но и не спешит разделить мой восторг и мое рвение. Подозреваю, что до поры многие воспринимали это как некую мальчишескую бравату.

Про Афган мы все знали немного. Но достаточно, чтобы понимать — «интернациональный долг» заключается совсем не в строительстве школ и посадке деревьев, как пишут газеты в нечастых статьях про Афганистан.

И совсем не с радостными благодарными школьниками и крестьянами приходится там иметь дело нашим солдатам, которых мы видим в еще более редких репортажах по телевизору.

Но теперь Капа понимает, что дело не в бравате.

Завтра мои проводы. И я с большой вероятностью поведу-таки в десантуру.

А вот с ДРА¹ у меня «проблема». Собственно, о ней мы и говорим.

Проблема в том, что отца у меня нет и у матери я один. И поэтому я переживаю, что на войну меня могут не взять. И поэтому же Капа недоумевает, почему я так туда рвусь...

Не знаю, как ему объяснить, — я почему-то просто уверен, что это — мое.

Предчувствие, предчувствие...

Эпизод первый

Дед

Когда Афганистан появился в моей жизни, знаю с точностью до дня.

То есть до этого тоже знал, что есть такая страна, но ча-

¹ ДРА — Демократическая Республика Афганистан. Тогда эта страна так называлась.

стью МОЕЙ жизни он стал только в этот день, хотя тогда я еще не мог этого понять.

Вечером 5 декабря 1979 года мой дед, как обычно, крутил ручку настройки своего транзистора ВЭФ-202.

Как обычно, сражался с глушилками, забивавшими «вражьи голоса».

И вот в какой-то момент он их обхитрил. И сквозь завывание и хрип стал слышен говоривший с легким акцентом голос.

Дед в совершенстве владел немецким, неплохо понимал по-английски.

Это позволяло ему слушать «вражьи голоса» на их родных языках.

Но иногда, то ли для сравнения, то ли из азарта, он слушал их, точнее пытался слушать по-русски. Получалось не всегда. Глушилки свое дело знали...

Правда, в этих случаях он все равно всегда выгонял меня из комнаты. В конце 70-х это вряд ли могло чем-то серьезным угрожать и мне и ему. Но инстинкты того поколения выработывались в конце 30-х...

Когда за такое «любопытство» можно было уехать очень далеко и надолго. И без гарантии вернуться.

Так что даже теперь, в «эпоху расцвета социалистической демократии», дед страховался и берег меня.

А я обижался. Мне было почти 14. Моей любимой книгой была пятитомная «История дипломатии». Я читал «международные» полосы газет и регулярно смотрел «Международную панораму». Был политинформатором класса.

В отличие от своих одноклассников, которым мало что говорила даже фамилия Сталин, два-три раза упоминавшаяся в наших учебниках истории, я знал, кто такие Троцкий, Бухарин и Берия.

Знал от деда.

В 20-х он окончил факультет международных отношений МГУ и успел даже поработать с Чичериным. В МИДе работал до 1937-го... Работал на Западе, в Германии, в Италии...

Потом на много лет стал «невъездным», а после войны и по-давно «уехал» на много лет далеко на восток. И совсем не дипломатом. Лесорубом...

Дед воспитал меня вместо отца. Интерес к политике я перенял от него.

Тем обиднее было, когда он не давал мне слушать «голоса».

Но в этот день все «совпало» — дед слушал их по-русски, глушилки «не доглядели», я оказался рядом, а он меня не прогнал.

И я услышал, как слишком старательно выговаривающий русские слова голос поведал об имеющихся веских основаниях ожидать в ближайшем будущем вторжения советских войск в Афганистан.

Слова «вторжение» и «советские войска» рядом воспринимались как-то странно. Ведь мы никогда никуда не вторгались — всегда всех только освобождали и защищали. А вторгались империалисты и их пособники. Чтобы поработать и угнетать.

Я смотрел на деда с удивлением и недоумением.

Но он словно не замечал меня. А может быть, правда — не замечал...

Дед грустно и задумчиво покачал головой и долго еще сидел потом молча, обхватив ее руками. Он часто так сидел...

Дед вообще был немногословен и задумчив — четыре года войны и потом семь лет лагерей по 58-й статье не располагали, видимо, к разговорчивости.

Я тогда этого не понимал, но инстинктивно в такие моменты к нему не лез.

На мой безмолвный вопрос он в тот день так ничего и не ответил.

Он вообще на него мне так никогда ничего и не ответил.

Потому что через два дня, 8 декабря, дед умер...

Я так и не узнал, что думал главный тогда в моей жизни человек про Афганистан и наше туда возможное вхождение.

Так и не понял, почему он так грустно качал головой...

Ведь не мог же он тогда знать, что...

Или мог?

Не знаю...

Может, встретимся когда-то — расспрошу, о чем он думал 5 декабря 84-го.

Но именно в тот день Афганистан вошел в мою жизнь. Как оказалось — навсегда.

Я впервые прикоснулся к тому, что станет главным «пунктом» моей биографии, во многом «сделает», сформирует меня сегодняшнего. И почти одновременно из моей жизни ушел дед, который «делал» меня первые 13 лет.

Наверное, вдвоем им не было места в моей судьбе. Проживи дед еще года три, и я вряд ли рвался бы в Афган. Я бы о другом мечтал, другим восторгался, по-другому учился...

Но видно, мне именно это было «написано».

И потому-то, наверное, одновременно с появлением «афганской темы» закончилось и мое воспитание дома. Мама много работала, чтобы прокормить нас двоих, да и сам я скоро начал потихоньку зарабатывать и уже не особо к ней прислушивался. Любил, уважал, но делал больше по-своему.

То, чем 13 лет занимался дед, продолжили школа, улица, работа.

И «советская пропаганда».

Точнее, то, что сейчас принято так называть, часто с негативным оттенком.

Хотя теперь-то я понимаю, что многим из нас удалось пройти то, что нам выпало, именно благодаря стержню, который дала эта самая «пропаганда».

Мы искренне гордились своей Родиной, искренне считали, что СССР — самая лучшая страна в мире. Искренне любили ее и сочувствовали тем, кого угораздило родиться в какой-нибудь Америке.

У нас было много чем гордиться.

И среди этого многого непостижимой громадой возвышалась ПОБЕДА.

Воевавшие были еще нестарыми людьми. Их было много, и от этого ощущение, что это победили ВСЕ МЫ, было вполне реальным.

А фильмы про войну рождали эффект соучастия и присутствия.

Я любил их и смотрел все по многу раз.

Дед еще был жив, когда вышел совместный советско-американский 20-серийный документальный фильм «Великая Отечественная». В американском варианте — «Неизвестная война».

Каждую неделю мы с дедом шли в «Октябрь» смотреть очередные две серии.

Плохо помню содержание отдельных серий, но навсегда запомнил, как смотрел эту черно-белую хронику дед. Я никак не мог понять, почему иногда у него начинали дрожать губы и подбородок, а по морщинистой щеке сбегала слезинка.

Почему он плачет? Ведь мы же победили! Мы же выиграли войну!

Я не спрашивал — понимал, что должна быть серьезная причина, чтобы заплакал этот обычно невозмутимый, много повидавший человек.

Он немного успел рассказать мне про войну — я был слишком мал.

Но благодаря ему война стала для меня гораздо большим, чем просто история. Это было что-то личное, но я не знал что.

А потом понял.

Как-то в очередной раз смотрел «Белорусский вокзал», где в финале идут кадры хроники — на Белорусском вокзале встречают фронтовиков. Я всегда любил этот момент: благодаря песне Нины Ургант с экрана передавалось это невероятное ликование победителей.

«Одна на всех, мы за ценой не постоим...»

И вдруг я поймал себя на мысли, что ЗАВИДУЮ им. Этим усатым дядькам, которые подбрасывают в воздух детей и смачно целуют подбегающих женщин.

Завидую тому, что мне НИКОГДА не суждено вот так возвратиться с войны.

Никогда не пережить самому ЭТО ликование...

Может быть, еще и поэтому так запомнилась мне услышанная в начале декабря 79-го фраза про возможный ввод советских войск в Афганистан.

От нее веяло войной.

Войной, на которую я «успевал».

Эпизод второй

Минжин

Впрочем, поначалу я воспринял непонятную реакцию деда скорее как сомнение, что то, о чем сказали «голоса», вообще возможно.

В конце декабря, числа 28-го, наверное, мы с друзьями были в гостях у одноклассницы, дочки монгольского дипломата.

Посольство Монголии было недалеко от нашей школы, и дети многих дипломатов учились в ней. Хотя школа была даже не «спец», а вполне обычная, «рабоче-крестьянская», как мы шутили.

Звали девочку Минжин, и был я в нее по-мальчишески влюблен.

А как обратить на себя ее внимание, не знал.

И вот мы что-то там веселимся, «Вопей М» какой-то играет, танцы-шманцы... И вдруг входит Минжин и говорит, что в Афганистан вошли советские войска.

Так и сказала «вошли»...

Все слегка остолбенели от такой новости. И тут я решил, что мой час настал, и очень «авторитетно» заявил, что это все фигня и что об этом я еще раньше слышал по «западному радио». И что это, мол, они все нагнетают, гады. Однако ожидаемого эффекта мое выступление не произвело, поскольку Минжин спокойно возразила, что узнала об этом не из «голосов», а от папы.

Авторитет папы-дипломата явно перевешивал мой авторитет политинформатора класса. И мне ничего не оставалось, кроме как пробурчать что-то вроде «все равно, фигня это все»...

Но когда после зимних каникул мы вышли учиться, темой первой же моей политинформации уже был как раз «ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан для оказания братской помощи дружественному афганскому народу в отражении возможной империалистической агрессии».

«Моя война» становилась все более реальной...

В течение следующих двух лет вести из Афганистана приходили редко, и все больше в виде статей про то, как воины-интернационалисты строят школы. К статьям прилагались фотографии наших радостных солдат и не менее радостных афганцев и при виде этих взаимных улыбок в реальность «империалистической агрессии» как-то не верилось.

Тем не менее войска из Афганистана почему-то не уходили.

И чем больше они строили в Афганистане школ и сажали деревья, тем меньше верилось, что занимаются они именно этим. Кого как, а меня эти сомнения только радовали...

После смерти деда «голоса» я не слушал.

Сначала как-то не решался притронуться к его транзистору. Потом никак не мог справиться с настройкой, а вскоре старый ВЭФ совсем умолк. Так умирает старый верный пес вслед за хозяином.

Источников альтернативной информации у меня не стало, а покупать новый приемник было не на что. Да и магнитофон стал для меня куда более насущной мечтой.

Так что происходящее в Афганистане на самом деле оставалось непонятым.

Но поползшие со временем разговоры про «цинковые гробы из Афгана» эту «непонятку» раскрывали вполне определенным образом.

В январе 82-го я отмечал 16-летие. В гости пришла Минжин, которая к тому времени уже училась в спецшколе. Так

что виделись мы редко, но отношения теплые сохранили. Хотя и чисто дружеские по-прежнему.

И вот, по-дружески подтрунивая надо мной, она вспомнила, как два года назад мы поспорили из-за Афганистана:

— А теперь там уже два года идет настоящая война.

Так и сказала — «война».

Может быть, что-то стерлось из памяти, но я не помню, чтобы до этого кто-то произносил вслух это слово, говоря про Афганистан.

Эпизод третий

Война

Многие догадывались, что там происходит и откуда берутся цинковые гробы. Но для нас, родившихся и выросших в СССР, со словом ВОЙНА были связаны слишком определенные ассоциации.

Во всяком случае, когда речь шла о нашей стране.

А Минжин родилась в Монголии, где не было Великой Отечественной. А лет до 9 росла в Нью-Йорке, где знали только про Вторую мировую. Которую, при этом еще они, американцы, в основном и выиграла.

И теперь, живя в Москве, она со всей непосредственностью назвала вещи своими именами. Более того, видимо, «своими именами» у них дома называли многое. Иначе чем еще объяснить следующее выданное ею «откровение»:

— Эти дураки непонятно зачем посылают на смерть молодых солдат.

Под «этими дураками», видимо, подразумевалось наше руководство. Но даже не эти слова поразили нас с ребятами больше всего. Хотя и очень уж непривычно звучали они, сказанные вслух.

Почему-то произнесенные тоненьким, нежным голоском Минжин слова про два года войны, на которой убивают НАШИХ молодых солдат, произвели на меня куда большее впечатление, чем все «шепоты» про «цинки» до того.